

Предметное поле частноправовых наук

Роль теоретико-правовых знаний в защите авторского права

Аннотация. Поскольку теория государства и права является базовой и фундаментальной юридической наукой, очевидно, что полученные в рамках ее освоения знания прямо или косвенно сопровождают всю практическую деятельность юриста, каковы бы ни были сферы его интересов. Любой этап механизма правового регулирования отношений по поводу результатов интеллектуальной деятельности — от правотворчества до привлечения нарушителя правовых предписаний к юридической ответственности, так или иначе проходит под знаком теоретико-правовой науки. Однако в статье рассматриваются не прикладные юридико-технические вопросы, а результаты теоретико-правового анализа состояния правового регулирования отношений в области авторского права и права интеллектуальной собственности в целом, которые позволяют обозначить ряд проблемных аспектов, нуждающихся в дальнейшем осмыслении. Они дают возможность взглянуть на существующий правовой институт в контексте всей правовой системы России, а также целей и задач общественного развития, обозначенных в Конституции РФ и документах стратегического планирования, и показывают, что достигнутые в результате правового регулирования эффекты имеют весьма разновекторные направления.

Ключевые слова: теория государства и права, авторское право, право интеллектуальной собственности, результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, традиционные духовно-нравственные ценности, суверенитет, технологическое лидерство, частная собственность, либерализм, отчуждение, индивидуальное присвоение, эффективность правового регулирования

**Елена Владимировна
КИРДЯШОВА,**
доцент кафедры теории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
evkirdjashova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.135.11.166-176

Elena V. KIRDYASHOVA,

*Associate Professor of the Department of Theory of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
evkirdjashova@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993*

The Role of Theoretical and Legal Knowledge in Copyright Protection

Abstract. *Since the theory of state and law is a basic and fundamental legal science, it is obvious that the knowledge gained as part of its development directly or indirectly accompanies all the practical activities of a lawyer, whatever his areas of interest. Any stage of the mechanism of legal regulation of relations regarding the results of intellectual activity — from law-making to bringing a violator of legal regulations to legal responsibility, one way or another passes under the sign of theoretical and legal science. However, the article does not address applied legal and technical issues, but rather the results of a theoretical and legal analysis of the state of legal regulation of relations in the field of copyright and intellectual property law in general, which allow us to identify a number of problematic aspects that need further reflection. They allow us to look at the existing legal institution in the context of the entire Russian legal system, as well as the goals and objectives of social development outlined in the Constitution of the Russian Federation and strategic planning documents, and show that the effects achieved as a result of legal regulation have very diverse directions.*

Keywords: *theory of state and law, copyright, intellectual property law, results of intellectual activity and equivalent means of individualization, traditional spiritual and moral values, sovereignty, technological leadership, private property, liberalism, alienation, individual appropriation, effectiveness of legal regulation*

В научном мире нет согласия в отношении того, кто является автором всем известного утверждения, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Однако с сутью высказывания не спорит никто. Формируясь в том числе на материалах отраслевых исследований, теория государства и права благодаря системе выработанных и аккумулированных ею знаний прочно заняла место исходной, базовой, фундаментальной юридической науки, не утратив, однако, связи с практикой.

Но внимание читателя хотелось бы обратить не на эти вполне очевидные истины. Теоретико-правовые знания позволяют взглянуть на авторское право, институт интеллектуальной собственности в целом в контексте всей существующей правовой системы и системы права как ее составной части, увидеть их взаимосвязь с другими элементами, а также иными подсистемами общественной жизни,

которая может быть организована весьма вариативно и динамично. Это необходимо не только для формальной оценки эффективности осуществляемой в данный момент правовой регламентации, но и для понимания того, как она отражается на состоянии соответствующего государственно-организованного общества.

1. История появления современного института интеллектуальной собственности (включая все его части) тесно связана с развитием в Европе промышленного производства и становлением, говоря языком классиков марксизма, буржуазного экономического строя, поскольку он сделал возможным и необходимым введение в коммерческий оборот нематериальных по своей природе результатов интеллектуальной деятельности, превратив их в товар. И хотя сегодня авторское право и право промышленной собственности (как базовые компоненты института) принято воспринимать как еще один шаг к признанию и защите прав человека, реальность была и остается более прозаичной — поименование созданного исключительно при помощи права явления общественной жизни в качестве «собственности»¹ возвращает с небес на землю.

В появлении авторского права (копирайта или «права на копию» в первоначальной версии), в большей степени были заинтересованы книгопечатники, несшие существенные материальные и временные затраты при наборе текста рукописи, для окупаемости которых им и предоставлялась привилегия. Достаточно показателен и тот факт, что первые нормы, регламентирующие авторское право в России, содержались в Цензурном уставе. Реальными выгодоприобретателями, конечно же, всегда являлись и продолжают являться субъекты, осуществляющие коммерческое использование результатов интеллектуальной деятельности, т.е. предприниматели. И чаще всего они — не создатели произведений.

Эпоха начала правовой регламентации отношений обусловила частнособственнический характер присвоения и либеральный дух института. В интеллектуальной собственности в полной мере отразились идеи «священной и неприкосновенной», поскольку именно она (в отличие от собственности вещной) имела наиболее тесную связь с личностью создателя и влекла претензии на исключительно индивидуальное присвоение созданного. Показательно в этом плане то обстоятельство, что интеллектуальная собственность, по обыкновению, не включается в совместную собственность супругов.

Таким образом, ключевая идея признания исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности заключалась в возможности *получения прибыли за счет введения нематериальных объектов в коммерческий оборот и превращения их в товар, воспринимаемый по образцу собственности частной*. С учетом того, что благодаря интеллектуальной деятельности и ее результатам человечество в принципе достигло того, что оно имеет, что каждый индивид представляет собой результат усвоения культуры и опыта предшествующих поколений, определяющих его и обеспечивающих, как отмечают некоторые

¹ Хотя, конечно, не все исследователи согласны с таким наименованием. См., например: *Дозорцев В. А.* Понятие исключительного права // Проблемы современного гражданского права : сборник статей. М. : Городец, 2000. С. 287—320.

современные философы, «смерть субъекта» как такового², ход был весьма нетипичным. Однако индивидуальное присвоение и исключительное использование стали не единственными результатами признания интеллектуальной собственности, последствия которого затронули и далекие от имущественных отношения (и это было не только появление нового социального слоя).

2. Частнособственническому характеру отношений по поводу результатов интеллектуальной деятельности не препятствовало (а иногда и прямо содействовало) признание за автором личных неимущественных прав. Сразу же необходимо оговориться, что на родине авторского права таковые (а именно — «моральные права») отсутствовали, что весьма честно с точки зрения преследовавшихся введением авторского права целей. Тем не менее *вкуче со свободой мысли, слова, творчества личные неимущественные права обеспечивают красивую ширму для созданного и реализуемого бизнес-проекта*. Вот только авторы чаще всего выводятся за его скобки и воспринимаются в качестве работников умственного труда, создавших и отдавших свое детище предпринимателю. Очевидно, что положение первых и вторых на коммерческом рынке неравнозначно. О гонорарах, получаемых авторами научных и учебных произведений, читатели, полагаю, преимущественно осведомлены. Хотя, конечно же, были и есть исключения.

Не добавляют оптимизма и установленные порядки защиты личных неимущественных прав, являющихся, с точки зрения действующего законодательства, неотчуждаемыми, речь идет о личности субъекта защиты. В период жизни автора — это он сам. А потом — обладатели исключительного права на произведение (при благоприятном раскладе — наследники автора). При этом даже самому автору достаточно проблематично противостоять попыткам коммерческих пользователей нарушить целостность произведения (обеспечиваемую его неприкосновенностью).

Достаточно продолжительная практика работы с киностудиями, соответственно, авторами аудиовизуальных произведений и съемочными группами показала, что еще на стадии подготовительного периода у всех лиц, принимавших творческое участие в создании фильмов, стараются выкупить исключительное право со всеми возможными вариантами переработки, прерывания рекламой, ускорением аудиовизуального ряда и т.д. и т.п. Лишь считанные единицы из авторского коллектива могли противостоять сложившейся практике, настаивая на невозможности прерывания фильмов хотя бы рекламой и новостями или ограничения их объема.

Такие варианты использования произведений неизбежно выходят на проблему сохранения неприкосновенности, в отношении которой авторы в большинстве своем заранее признавали, что не будут считать соответствующие действия ее нарушением. Следует оговориться, что и киностудии оказываются заложниками рыночной модели оборота нематериальных объектов — аналогичные условия от них требуют кинопрокатчики и телевизионные каналы, которые готовы потерять рекламные деньги только на очень редких фильмах.

² См., например: *Барт Р.* Смерть автора // Р. Барт. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384—391 ; *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1999.

Или всем известная «раскраска» советских кинофильмов. Любой человек, знакомый с изобразительным искусством и фотографией, скажет, что композиция в черно-белых тонах принципиально отличается от цветной. Более того, даже в период возможности съемки уже на цветную пленку режиссеры-постановщики целенаправленно использовали черно-белую пленку, с которой, к примеру, гораздо гармоничнее выглядела включаемая в фильм кинохроника. Операторы-постановщики соответствующим образом выставляли свет, художники по костюмам подбирали одежду и т.д. Вряд ли наследники или иные обладатели исключительного права столь трепетно относятся к так называемому «авторскому замыслу». Особенно, если им за подобные разрешения или возражения и претензии предлагают деньги (кроме того, возникает мысль о продлении срока действия исключительного права за счет нового видеоряда).

Сам факт регламентации большинства отношений в области интеллектуальной собственности в рамках гражданско-правового законодательства уже предполагает акцент на имущественные связи как основную часть предмета регулирования. Весьма показателен и тот факт, что даже акты официального толкования уже постсоветского российского законодательства в области авторского права, признавая за российскими киностудиями исключительные имущественные права на ранее созданные ими фильмы, обходили стороной вопрос об авторе этих фильмов и, соответственно, субъекте, способном защищать личные неимущественные права на них. Положения же ныне действующего законодательства четко подтверждают коммерческую линию признаваемых прав, наделяя обладателя исключительного права правомочиями по защите прав личных неимущественных (при отсутствии автора), хотя именно здесь чаще всего и проявляется коммерческий интерес к такому вмешательству. Кстати, и все еще продолжающиеся общественные и научные дискуссии о возможности признания искусственного интеллекта автором созданных им произведений демонстрируют достаточно неуважительное отношение к этой составляющей авторского права и личности автора, соответственно.

3. При этом следует признать, что *наличие личных неимущественных прав, их неотчуждаемость явно подтверждают связь права интеллектуальной собственности с первым поколением прав и свобод человека и гражданина* (в которое включено и право вещной собственности). И связь эта весьма показательна. Вместе со свободой мысли, слова, творчества появляется возможность признания объектом авторского права даже те результаты творческой деятельности, которые были бы естественным (самоорганизационным) способом отброшены обществом и не допущены к всеобщему распространению, в том числе по причине своего деструктивного влияния на общественное сознание или противоречие системе ценностей соответствующего коллектива³.

Однако, если непосредственно законодатель об этих моментах не позаботился, судьба такого рода «творений» находится исключительно в руках бизнеса и

³ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/file/pdf?eonenumber=0001202211090019> (дата обращения: 30.09.2025).

рынка, которые, к примеру, могут «раскручивать» тот или иной объект и формировать моду, подменять высокую культуру и создавать видимость доступа к ней. Жизнь показала, что признанная свобода творчества не позволила обществу массово штамповать реальных гениев, но имитировать творческую деятельность, размывать существовавшие идеалы очень даже получилось, в том числе путем вытеснения неугодных по той или иной причине авторов или произведений из рыночного оборота.

Глобальный рынок, культивируемый либерализмом, только способствовал манипулированию общественным сознанием под прикрытием закрепленных прав и свобод. Причем это *следствие обеспечения авторско-правовой защиты имеет действительно глубокие социальные и политические последствия, которые, хотя и без энтузиазма, но все-таки стали признавать общество и государство, столкнувшись с угрозой (а иногда и утратой) собственной идентичности, разложением и уничтожением культурного наследия предшествующих поколений*. Используя моду и рыночные механизмы, можно банально «отодвигать» на второй план соответствующие произведения, поскольку с точки зрения бизнеса объекты, охране не подлежащие, являются коммерчески менее привлекательными.

Не лучше стали обстоять дела и в области технологического суверенитета, поскольку философия либерализма, пропитавшая институт прав человека (следует обратить внимание, что для англоязычной правовой традиции возможно его сведение исключительно к правам первого поколения⁴), только усилила атомизацию общества, в том числе предложив идею гражданина мира и объявив естественные и неотчуждаемые права универсальными. С развитием мирового рынка интеллектуальной собственности появилась возможность просто официально скупать необходимые результаты или умы, их производящие, а не заниматься предварительным образованием населения и финансированием разработок.

Последствия такого перераспределения результатов интеллектуальной деятельности нашей стране известны, наверное, как никому другому. Но начавшаяся в конце XX в. утечка умов по-прежнему продолжается теперь уже в формате иностранных грантов, зарубежных стажировок и прочего, активно поощряемого и государственными структурами тоже. В гуманитарных науках ситуация аналогична. В итоге проведенных на выделенные деньги исследований пишутся и защищаются диссертации, в которых порою содержатся вряд ли уместные для настоящего времени идеи, а в общественное сознание проникают чуждые ему субкультуры. Связь авторского права со свободой мысли и слова обеспечила формальное равенство всех лиц, занимающихся творческой деятельностью, выдвинув на первый план личность творца, его право на самовыражение, а не качество полученного результата. Закон дал возможность всем желающим почувствовать себя создателями.

Однако формальное равенство, как обычно, не стало равенством фактическим — не за все идеи рынок оказался готовым платить. Так, в мире искусства на место древних богов пришел золотой телец, получивший возможность оценки

⁴ См., например: *Игнатъев М.* Права человека как политика и как идолопоклонство. М., 2019.

результатов интеллектуальной деятельности исключительно с точки зрения их коммерческой привлекательности, зачастую тесно связанной с политическими пристрастиями и предпочтениями.

Более того, у общества (читай — у лиц, находящихся у власти) впервые *появилась легальная возможность определять направления развития человеческой мысли, обусловленные политической повесткой дня*, в частности, стопорить внедрение созданных технологий в угоду определенных в качестве приоритетных (как это получилось с зеленой энергетикой, заставившей ограничить разработки альтернативных вариантов получения энергии (из воздуха, например), или флеш-накопителями, долгое время дожидавшимися окончания реализации носителей памяти предшествующих поколений), или культивировать нужные идеи и стандарты. Способность превращения практически всего в товар, продукт — уникальная возможность буржуазной экономики, перед которой человечество оказалось практически бессильным, погрузившись в пучины мирового рынка. Единственным исключением являлись закрытые общества, дружно осуждавшиеся прогрессивной мировой общественностью.

4. Достаточно любопытна и юридическая судьба научных открытий. В перечне Всемирной организации интеллектуальной собственности присутствуют и научные произведения (они рассматриваются в качестве объекта авторского права), и научные открытия. В принципе коммерческая польза открытия обычно связана с правом промышленной собственности и проявляется в изобретениях и полезных моделях (открытия в области гуманитарных наук монетизируются, как правило, косвенно, через реализацию соответствующих социальных проектов, например, по социальной инженерии, в которой была успешна советская наука). Однако ученые для поддержания своего статуса и рейтинга вуза должны осуществлять публикации результатов научной деятельности, которые с точки зрения содержащихся в них идей, принципов, способов, методик и т.д. никак не охраняются (авторское право — это право формы, но не содержания). Соответственно, разработанные идеи могут использоваться специально обученными людьми (и искусственным интеллектом, вероятно, тоже) для создания охраняемых изобретений и промышленных моделей.

Существующее положение дает возможность отслеживания научных разработок, осуществляемых в мире, если они не засекречены. В этой связи по-прежнему существующее в отечественной науке (в том числе естественной) определение эффективности ученого посредством его присутствия в иностранных изданиях, в том числе не всегда дружественных стран, выглядит по меньшей мере странно, если не провокационно (с учетом стратегических задач государства по обеспечению технологического лидерства⁵ и, соответственно, когнитивного суверенитета).

5. Перечень объектов интеллектуальной собственности вообще заслуживает отдельного исследования — он, конечно же, не включает всех возможных результатов интеллектуальной деятельности (даже соответствующих обозначенным в науке критериям охраны), хотя и имеет тенденцию к постоянному расширению.

⁵ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/file/pdf?eonenumber=0001202405070015>.

При этом является закрытым. В частности, охране не подлежат разнообразные методики обучения, обладающие потребительной стоимостью. Всему миру известны советская школа фигурного катания, русский балет, система Станиславского, создавшие уникальные технологии подготовки востребованных рынком специалистов. Их, говоря языком технических наук, секреты производства пользуются большим спросом у конкурентов. При этом сегодня наработки отечественных профессионалов оказались доступны любому, кто может себе позволить работать с «носителем» выработанных традиций. Последствия мы видим хотя бы в том же фигурном катании. Возникает мысль, что такое положение не случайно, и кто-то заинтересован в свободном доступе.

Также парадоксален постоянно увеличивающийся срок охраны объектов авторского права и интеллектуальной собственности в целом, имеющий место на фоне ускорения темпов жизни. Если законодательное признание авторского права было обязано своим появлением, как уже отмечалось, необходимости окупить затраты на подготовку книги к изданию, то сегодня это все чаще просто источник прибыли, актив.

6. Следует, однако, подчеркнуть, что изложенная модель правового регулирования отношений, основанная на либеральном подходе к экономике и частнособственническом характере присвоения, не всегда использовалась в отечественной правовой системе. Советский Союз, равно как и другие государства, преимущественно соцлагеря), регламентировали их сообразно проводимой экономической политике. Здесь, как писал Н. Н. Алексеев, частным собственником, по сути, являлось само государство⁶, которое и выступало заказчиком создания необходимых ему объектов. И с точки зрения конкурентной борьбы на мировой арене это были весьма успешные проекты. Закрытость обществ не стала препятствием для развития науки и техники, а использование полученных результатов в публичных интересах позволило обеспечить технологический прорыв, а не ограничиваться получением прибыли от использования исключительного права отдельными лицами (хотя бы и самим государством).

Необходимо понимать, что накопленные и аккумулируемые обществом знания (а именно они являются в том числе составляющей ряда объектов интеллектуальной собственности) обеспечивали его конкурентное преимущество еще до появления государства. Тогда они делились на профанные и сакральные (доступ к которым был ограничен для представителей даже своего рода). Сейчас же через *индивидуалистическое начало, коммерческий оборот и глобальный рынок* существует возможность «высасывания» всего оцениваемого в качестве полезного (безотносительно того, о какой пользе идет речь) в *один центр притяжения* и обеспечения недопустимости развития конкурентов путем введения в отношении них запрета на доступ к последним.

Очевидно, что именно государство определяет модель правового регулирования отношений по поводу результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации (как и всех других сфер общественной жизни). Однако применительно к данному рода социальным связям на праве лежит

⁶ Алексеев Н. Н. Собственность и социализм: опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. Париж : Евразийское книгоиздательство, 1928.

особая ответственность, поскольку только благодаря предложенному им инструментарию эти нематериальные объекты получили необходимые для коммерческого оборота формы в виде субъективных прав и индивидуальное присвоение, что позволило отторгнуть их от общества. *Интеллектуальная собственность принципиально изменила ранее существовавший порядок, создав возможность для замещения и даже подмены тех результатов, которые соответствовали бы уровню научного и культурного развития коллектива.* Модель, используемая в России, получила наиболее широкое международное признание, что обусловлено активным внедрением либеральных ценностей и базирующегося на них института прав человека, формированием глобального рынка, требующего свободного коммерческого оборота результатов интеллектуальной деятельности.

Это принесло разновекторные эффекты (причем не только коммерческого, имущественного характера), некоторые из которых вряд ли были осознанно ожидаемыми:

- интеллектуальный труд приобрел профессиональный характер и позволил выделить в социальной структуре общества особый слой, вносящий свой вклад в общественное производство. Эта группа населения стала профессионально воспроизводиться, а присущая любой рыночной модели безработица дала возможность корректировать или даже определять свободу мысли и слова при помощи предлагаемого за их результат денежного эквивалента, отодвинув (или вообще забыв) ранее существовавшие идеалы высокого искусства;
- сформировавшийся глобальный рынок сделал возможным отторжение у культур, породивших тот или иной результат интеллектуальной деятельности, свойственных им с точки зрения качественных содержательных характеристик объектов и их замену другими, активно используемыми для формирования «современного» общественного сознания. Экономически сильные субъекты получили средство «выкачивания» умов и идей, не неся при этом затрат на производство и воспроизводство кадров, что создает препятствия для сохранения и поддержания когнитивного, технологического (и, соответственно, экономического и политического) суверенитетов государства. Кроме того, обладатели исключительного права могут легально и целенаправленно препятствовать доступу к технологиям неугодных коллективов, даже если они приняли участие в их создании (хотя, конечно, некоторые критически важные случаи и в авторском праве, и в праве промышленной собственности определены);
- ценность полученных результатов стала определяться не их социальной пользой коллективу, породившему создателя, а рынком. Это дало возможность подмены понятий и массового распространения сомнительных с точки зрения традиционных духовно-нравственных ценностей общества «продуктов», что негативно отражается на сохранении и поддержании обществом своей идентичности. На фоне формального равенства и рассмотрения всех как потенциальных авторов произошло обесценивание (или, наоборот, формирование иллюзии ценности, как в случае с графоманами) творческого интеллектуального труда, ставшего не призванием, а профессией, успех в которой начал определяться востребованностью на рынке, а

не качеством и содержанием произведений, если речь идет об авторском праве. Это привело в том числе к созданию не представляющих культурной, научной ценности результатов. Но именно к ним в цифровом пространстве доступ, как правило, открыт или широко обеспечен, хотя бы и на коммерческих условиях (в отличие, например, от авторского кино или научных монографий). Формируемая рыночная мода предоставила возможность организованного внедрения в общественное сознание отвечающих политическим целям и задачам результатов интеллектуальной деятельности, что проявляется, в частности, в наблюдающемся практически повсеместно падении уровня образования и культуры. Интеллектуальная собственность стала средством манипулирования общественным сознанием и контроля за обществом. Соответственно, утверждение Э. Дюркгейма о том, что древние греки воспитывали древних греков, а древние римляне — древних римлян⁷, не может быть применено к значительной части современных культур, воспитывающих граждан мира.

Однако результаты теоретико-правового исследования вселяют и некоторую долю надежды:

- во-первых, либеральная схема не является единственной, и наш предшествующий опыт тому подтверждение (хотя и он, конечно, нуждается в переосмыслении);
- во-вторых, даже частная собственность может существовать не только в рамках индивидуалистических, персонцентричных обществ, но и в тех, которые не отрицают ценности коллективизма (как, например, это было в том же Древнем Риме, считавшем высшим благом для гражданина служение обществу), что позволяет через частнособственнические механизмы отстаивать публичные интересы (например, через тот же договор заказа или действуя в русле «редакционной политики»). Потенциал гражданского права (даже признающего частную собственность) гораздо глубже, чем обеспечение исключительно эгоистических, индивидуалистических притязаний участника рынка, построенного по либеральной модели.

Таким образом, теоретико-правовые знания позволили обозначить некоторые направления комплексной всесторонней оценки современного состояния правового регулирования отношений в области авторского права и отчасти права интеллектуальной собственности в целом. Существующий институт нуждается в постоянном мониторинге на предмет определения его эффективности как с точки зрения целей правового регулирования, так и стратегических задач, стоящих перед обществом и государством.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев Н. Н. Собственность и социализм: опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. — Париж : Евразийское книгоиздательство, 1928. — 87 с.

⁷ Дюркгейм Э. Социология образования. М., 1996.

2. *Барт Р.* Смерть автора // Р. Барт. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. — М., 1994. — С. 384—391.
3. *Дозорцев В. А.* Понятие исключительного права // Проблемы современного гражданского права : сборник статей. — М. : Городец, 2000. — С. 287—320.
4. *Дюркгейм Э.* Социология образования. — М., 1996. — 80 с.
5. *Игнатьев М.* Права человека как политика и как идолопоклонство. — М. : Новое литературное обозрение, 2019. — 216 с.
6. Интеллектуальная собственность: основные материалы : в 2 ч. — Новосибирск : Наука, 1993. — 368 с.
7. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — СПб., 1999. — 406 с.